

A. H. YPOB

PRESENT

CONTINUOUS

16+

Александр Николаевич Уров

Present Continuous

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39436749

SelfPub; 2018

Аннотация

Четыре с половиной Вечности назад девочка Линга из сказочного города Селяны невольно становится свидетельницей договора между Одиноким и Бескрылым. За девочкой начинается охота, но убить ее невозможно – она с Первого корабля. Сломать и погубить Лингу сможет только тот, кого она по-настоящему полюбит и кто полюбит ее. Тоже по-настоящему. Полюбит, но потом непременно предаст. Удивительные приключения людей и зверей, философские споры и кровавые битвы, подвиги и предательства, нарастающий топот бронзовой конницы и шёпот влюбленных, – все это здесь.

Содержание

Чердачные встречи	5
Немного позднее	9
Present Continuous	10
Кино	13
Звезда в созвездии зайца	16
Учимся летать	19
Повседневная реальность волшебства	21
Клюквы крови	25
Вохрим и храм	29
Удр	33
Клаксончики	37
Чугунья	40
Ночь отрезанных крыльев	46
Атака вражеских самолетов	50
Письмо	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Часть I

Гражданинов

Рубите всех! Бог узнает своих.

(Епископ Арно де Сито)

Научи понимать и молчать

Я смогу твою тайну нести

Научи на кресте не кричать

А потом пожалеи и прости

Чердачные встречи

Как и в любые другие приятные пространства, попасть сюда можно только по лестнице. Первыми тебя небрежно приветствуют обиженные пластинки в разноцветных бумажных костюмах – хорошую музыку можно потрогать руками. Виниловые дети Апрелевского завода давно превратились в отстрелянные в десяточку мишени и мирно покоятся в братских картонных коробках. Рядом – однозеленоглазая Балтика с покрытыми пылью европейскими городами. Проводишь медленно пальцем по стеклу – и ты в Амстердаме.

Стеллажом ниже жеманно пыжятся винтажные ожерелья, воображая, что они жемчужные. Слева – старый самовар со сбитым носом и с вопросом насчёт измайловского вернисажа. Когда-с? Справа – прялки-пенсионерки. Над ними – высохшие и грустящие подушечки-саше – заснувшие акробаты на бельевой верёвке. Ещё выше переполненные собрания скучных сочинений умоляют о второй попытке прочтения. Внизу – угольные утюги в забытой гавани и беззубый пулемет «Скарабей».

Дальше пространство постепенно заполняется ощущением вечности. Два правых берега Небореки. Закуточное княжество метафизики. Неразгаданные смыслы в паутинах породистых пауков. Неизбежное распятие – триумф пророчества римских сивилл. Стопки неотправленных писем пол-

ковнику и цыганская астрология. И, конечно же, кони, чёрный и белый, сбежавшие буквой Г из чёрнобелой тоски – освободить несчастных работниц и крестьянок, намертво перевязанных бечёвкой. Постаревшая Барби со сломанной ногой пытается встать и улыбнуться Ваньке-уже-не-Встаньке.

Каждое поколение проживающих внизу людей постепенно наполняло внутренность дома скорлупой ненужностей и поломанностей, которые обречённо отправлялись на чердак, покрывались там защитной пылью и, таким образом, переживали своих хозяев на многие десятки лет. Чердак всегда старше дома. Сладкое предчувствие антикварности, а соответственно, и скорое возвращение вниз, возбуждало плотно заставленные полки, корзины, сумки с посудой, чемоданы. Пережившие своих читателей «Мурзилки» и «Крокодилы» уже опробовали на прочность ненавистную верёвку.

Главным в чердачном царстве спящих вещей был, конечно же, старинный сундук. Одинокой скалой возвышался он среди задремавшего времени. Огромность и несдвигимость сундука не вызывали никаких сомнений в том, что стоял он здесь вечно, просто давным– давно постамент, на котором сундук покоился многие годы, обнесли стенами, положили крышу, настелили полы и стали жить. Во всяком случае, в детстве это была единственная версия, объясняющая существование закованного в железо неподъёмного ящика там, куда обычный взрослый, кряхтя, поднимает свои лишние килограммы.

Мне было двенадцать лет, когда я, дав честное слово никогда без разрешения не забираться на чердак, забрался на чердак без разрешения и сразу же увидел этот необыкновенный сундук. Мы долго смотрели друг на друга, и пугающая необъяснимость происходящего впервые коснулась меня. Слегка пока...

– Бабушка! А что там, в сундуке? – громко раскрыл я своё преступление. – А что там?

Мамина мама долго смотрела на меня и сказала:

– Там живёт Бескрылый. И он накажет тебя. Обязательно накажет.

– За что накажет? – удивляюсь я.

– За то, что ты нарушил свое слово.

Я помню, что долго не мог заснуть в ту ночь – думал о Бескрылом. Кто это? Почему Бескрылый? И почему в сундуке? И где его крылья? Вопросы градом сыпались на мою маленькую голову, а спасительные ответы уже давно мирно похрапывали в соседней комнате. Вдруг внутри меня стало стремительно зарождаться чувство необъяснимой жалости к этому таинственному Бескрылому, к его незавидному сундучьему заточению. Жалость постепенно смешалась с желанием как-то помочь этому загадочному существу. И это желание помочь оказалось сильнее детского страха темноты и всегда сопровождающих его упырей и чёрных рук.

В общем, я потихоньку поднялся наверх, ошупью пробрался к сундуку, раскрутил в замочных ушках медную про-

волоку, с трудом откинул тяжёлую крышку и тихо сказал:

– Беги...

Утром принесённый из сарая старый ржавый замок с помощью трёх капель масла вспомнил молодость и надолго закрыл для меня путь наверх.

– Бабушка, я не хочу тебя больше обманывать: сегодня ночью я выпустил его! – призналась моя маленькая совесть.

– Я знаю, – тихо сказала бабушка и заплакала.

Немного позднее

Спустя ровно сорок пять лет, осторожно ступив на обледеневший карниз семнадцатого этажа, Гражданинов отчётливо вспомнил ту сундучью ночь. Интересно, а не выпустил он тогда Бескрылого, как сложилась бы его, гражданиновская, жизнь? В какой канцелярии вписали в бланк его земной судьбы эти необъяснимые события?

«Кто превратил меня, обыкновенного Гражданинова, в персонажа этой необыкновенной истории? Истории, герои которой без приглашения войдут в дом и останутся уже навсегда. И почему всё это досталось именно мне? Мне, а не какой-то из тех многочисленных разноцветных молекул, суетящихся сейчас внизу. И предстоящий шаг – это шаг последний? Или, может быть, первый? И почему сегодня? И почему я?»

Снисходительное объяснение, существовавшее, очевидно, задолго до этих главных вопросов, озвучилось быстро и предельно просто: а почему бы и нет?

Present Continuous

О, великие времена! Грамматические лабиринты, неизменно приводящие к Его Величеству Present Continuous!!! Гамлетовское to be плюс всё, что душе угодно, но непременно с инговым окончанием. Ринг или паркинг – что лучше для митинга? Смокинг – для Стинга, фертинг – для викинга. Боулинг в моде в ангаре для «боинга», спринглз лидирует без мониторинга. И безразличен рейтинг маркетинга, фунта ли стерлинга, Маугли Киплинга.

Её так и звали: Линга. Уже в самом имени заложена настоящность происходящего. Человек не властен над прошлым. В Past Simple не так всё просто, многое надо согласовывать... Будущее тоже под вопросом – обещания, намерения и не более того. И только в Present Continuous мы живём, влюбляемся, клянёмся, рожаем и скачем на страусах. Естественно, здесь же предаём, разрушаем, умираем, стреляем, хотя велико искушение отдать все эти гадости какому-нибудь Past Perfect.

Она опоздала минут на десять. Нет! Она пришла спустя десять минут. Тоже нет! Когда все расселись, столы густо покрылись надёжными Бонками и всеобщими тетрадами, – появилась Она. Гражданинова в сердце нежно ударила снятая с паузы молния: Она! Это Она. Последующие удары в голову с дальнейшим отключением разума методически и граммати-

чески были выполнены безукоризненно. Оглушённый и ничего не понимающий Гражданинов сфокусировался из последних сил – в дверях стояла худенькая космическая девушка и улыбалась.

– Excuse me, may I come in? – нездешние карие глаза скользнули по аудитории, на секунду задержались на подстреленном взгляде Гражданинова, и этого было достаточно, чтобы разум обиженно покинул бедного юношу.

Обмякшее студенческое тело медленно сползло на пол.

– May I come in? – повторило небесное создание и уверенно проследовало прямо в душу ещё полуобморочного, но уже счастливого Гражданинова.

Англичанка привычно стирала с ночного деревянного неба млечные грамматические созвездия. Волшебное время. Life is going on! Present Continuous.

Когда Гражданинов очнулся, всё вокруг было по-прежнему: на Трафальгарской площади японцы полировали поляроидами засиженных туристами львов, в парижских полях прикаштанивались к вечеру бульвары, пробка на пересечении Бродвея и 42-ой категорически отказывалась рассасываться, сексуальные гондольеры, нарушая приличия, плавно скользили на красный свет, московские таксисты умело очумело мчали в парк. Гражданинов, однако, ничего из «по-прежнему» уже не замечал. Он видел только Лингу и не понимал, как же он существовал все эти годы и как он будет жить дальше. Полное отсутствие благоразумно исчезнувшие-

го на время разума избавило Гражданинова от появления каких-либо других вопросов в этот период его улыбающейся до ушей жизни.

Через десять дней полной мобилизации всех своих внутренних сил, многочисленных консультаций с другом детства Баклажаном Гражданинов после занятий подошёл к девушке и предательски вспотевшим голосом произнёс отрепетированную бессонными ночами фразу:

– Пошли в кино.

Кино

Она согласилась. Кино длилось два года. За это время мы объездили весь свет. Нам нравилось бродить по тихим улочкам Праги, разгадывать тайны острова Пасхи, по правде говоря, никаких фигур мы там не нашли, потому что не искали, а беспрерывно обнимались друг с другом. В Стамбуле ракеты-минереты зазывали нас посетить чужие небеса, мы радостно бежали к голубой стартовой площадке, но в последнюю минуту обнаруживалось отсутствие правильно оформленных билетов, и строгий янычар при входе был неумолим. В Африке нас чуть не съел тигр. Какое это счастье – не быть съеденным вместе с любимой девушкой голодным тигром! Часто в железной бочке мы сказочно-запретно падали в бушующую пучину Ниагарского водопада, и оставались живы, очевидно, наши смерти были маленькими и ходили еще в детский сад. Американские копы штрафовали нас за нарушение общепринятых норм. Если же бочку прибывало к канадскому берегу, то обходилось без штрафа, но в обоих случаях нас «Дельтой» депортировали домой. Весной сосед по Наро-Фоминской даче на крыше незалежного «запорожца» привозил из Арктики новую ржавую бочку и с радостью подвозил нас на красивое озеро Онтарио. Краснокожие индейцы боготворили Лингу. Чингачгук называл её Говорящая-с-журавлями. Наверное, потому что была осень, над нашим

вигвамом курлыкали на юг дивные птицы, и Линга подолгу смотрела вверх и шептала им что-то...

В до-ре-ми-канской республике фиолетовый попугай скромно попросился сфотографироваться с самой красивой девушкой. Два улыбающихся счастья – птичье и человеческое – застыли на мгновение, называемое «cheese». Через неделю их фото взорвало тиражи парижских журналов. Попугай разбогател, купил себе свободу и погрустнел.

Мы к этому времени любили друг друга в ледяной стране, полной неземных красот и вулканов с непроизносимыми названиями. Стоя на одном из них, мы увидели белые горы на линии горизонта и одновременно почувствовали глухой и мощный зов, исходящий от них.

– Туда нельзя, – тихо сказала Линга. – Это горы Хаконы, – она прижалась ко мне крепко и закрыла глаза, как будто вспоминая что-то.

Я обнял мою маленькую девочку.

– Ну хорошо, нельзя так нельзя. В конце концов, на Земле есть много мест, куда лезь, да еще как лезь!

Одним из таких мест была необычная галерея, в которой, если верить молве, среди множества картин, написанных талантливыми мастерами прошлого, можно найти свой собственный портрет. Лингу мы обнаружили уже в третьем зале. Художник изобразил ее разговаривающей с белым китом, случайно заплывшим во время наводнения на площадь Сан-Марко. Мой портрет никак не появлялся, и, изрядно прого-

лодавшись, мы перенесли поиски на следующий раз.

Когда фильм закончился, и в зале зажегся свет, любовь попросила Гражданинова и Лингу больше не расставаться друг с другом более чем на пять минут.

Юноша согласился сразу же. Линга немного подумала и тоже согласилась. Больше всех радовалась любовь: когда молодые, наигравшись, засыпали, она бережно прикрывала их объятия своим крылом, до утра нежно смотрела на них и пела грустную песню. С этого дня Гражданинов расставался с любимой девочкой, только чтобы спуститься вниз, на второй этаж, проверить почтовый ящик – и бегом наверх! Ровно четыре минуты. Ещё минута в резерве – мало ли что.

Звезда в созвездии зайца

Однажды, слегка окутанная перелётной печалью, Линга вдруг тихо сказала:

– Гражданинов, милый мой Гражданинов, я не хочу, чтобы ты умирал.

Признаться, меньше всего в эти минуты я думал о смерти, умирать двадцатидвухлетним не входило в мои ближайшие планы, о чём я и сообщил после небольшой паузы.

– Я не хочу, чтобы ты умирал, – повторила она, мягкие капли-детки осеннего дождя пришли ей на помощь и скрыли набежавшие слёзы.

Смысл этих странных слов я понял только через сорок лет, а пока капли плакали, слёзы капали.

– А еще я хочу, чтобы нас было четверо.

Гражданинов обнял её и не отпускал, пока не почувствовал, что незваная тревожная гостья не покинула сердце любимой девушки.

– А давай с тобой договоримся? – вытерла слезы Линга.

– Давай, – улыбнулся Гражданинов.

– Давай договоримся, что, если кто из нас умрёт первым, он в условленном месте будет ждать другого. Тогда смерть совсем не страшна будет, просто надо будет немного дольше подождать. Ну мог же ты сейчас, допустим, встретить соседа на третьем этаже, заговориться с ним, помочь ему дверь

открыть, если сломался замок, в общем, задержаться. Я же всё равно знаю, что ты придёшь, и спокойно жду. Так и тут. Просто подождать.

Гражданинов даже представить себе не мог, чтоб какой-нибудь сосед, да ещё с третьего этажа, сумел бы задержать его восхождение. Если только гранатомётом... Но на такой случай и предусмотрена минута резервная...

– И где же будет это установленное место? – спросил он.

– Не знаю, – прелестные плечики дёрнулись вниз–вверх, – думаю, где-то на небе, среди звёзд. Души людей до воплощения обитают на звёздах, куда и возвращаются после смерти человека. Давай где-нибудь там, наверху.

– В созвездии влюблённых, – подыграл ей Гражданинов.

– Нет, только не там, хочу, чтобы мы были одни. Только мы и никого больше.

– Я знаю, где это, – сказал Гражданинов.

– Где?

– Видишь, справа от созвездия Зайца расплывчатое пятнышко?

– Вижу.

– Это и будет наша с тобой галактика, там мы с тобой и встретимся. А чтобы не потеряться, сигналом будет яркий фиолетовый мигающий свет. Договорились?

– Договорились.

Родившийся вдруг поцелуй прожил долгую полноценную поцелуйскую жизнь...

– А как называется эта галактика? – отдышавшись спросила она.

– Галактика Линги и Гражданинова, – серьёзно ответил он.

Учимся летать

Это было давно. Очень давно. Земля была еще плоской, и это было время борьбы восмериц и юного ещё Дажьбога. Радугу тогда ещё называли луком солнца, а люди умели летать. Крылья просто необходимы среди непроходимых сварогских лесов, коварных кровоклюквенных болот, бесчисленных озёр с гордыми островками, заросшими камышом. Зимой без крыльев вообще никуда. Забавно было смотреть, как красные, вспотевшие от усердия мужики, возвращаясь с удачной рыбалки, отчаянно хлопали крыльями, стараясь не зацепить верхушки сосен. Сойки, дятлы и прочие сороки покаркивались с хохота, наблюдая за бесплатными человеческими спектаклями. А детям, детям-то радость какая: летай – не хочу! Самое суровое наказание для них – «двад-няпешком». Но так сурово в Селяне наказали только один раз – десятилетнюю Лингу, за то, что она улетела из Present Continuous за горы Хаконы, в прошлое. А туда нельзя.

Была ещё одна, более важная причина, по которой люди должны были уметь летать. Раз в год каждый житель Селяны – именно так назывался в то время наш городок – обязан был посетить Одинокого и услышать его Слово. Услышать Слово Одинокого твёрдо означало, что весь следующий год с тобой ничего не случится плохого. Традиция исправно соблюдалась всеми предыдущими поколениями селян. Ничего

плохого действительно не случилось. А так как Башня, в которой жил Одинокий, находилась на высоком холме, плотно покрытом капушоном колючего кустарника, то добраться к нему можно было только тем, у кого есть крылья. Когда подходил срок для очередного селянина, он долго и внимательно всматривался в смутные очертания Башни и, если видел свет, что означало: «Я жду тебя», – разбежался и возносился.

Лишь один из обитателей Селяны не был еще у Одинокого. Честно, не знаю, как и откуда появился этот мальчишка в Present Continuous.

Худощавый, весь в лохмотьях, постоянно голодный и не умеющий по-человечески говорить, – откуда ты? О чем твоя непонятная песня, грустящая каждый вечер на площади? Качающемуся от ветра пацану сразу же приклеилось прозвище Двабогатыря. Отсутствию крыльев никто не удивился: зачем дурачку крылья?

О том, что Боги иногда сами спускаются к дурачкам, селяне скоро узнали. Именно ему в этот раз Одинокий поручил раздавать доброту.

Повседневная реальность волшебства

Утром на площади стал собираться народ. Все с нетерпением ждали открытия необыкновенного праздника. Через всю площадь протянулась пестрая веселая очередь. Первым стоял Лусапек, сын Скарабея. Мальчик очень боялся, что ему не достанется доброты, и он прибежал сюда первым. Следом за ним пришел Поэт. Поэта в последнее время мучила вредная бессонница, ему никак не удавалось закончить поэму о Небореке, и он пришел за добротой в надежде найти недостающие рифмы и вдохновение. Вот часы пробили ю, и Двабогатыря торжественно протянул Лусапек доброту. Мальчик очень волновался, он прижал доброту к груди и стал осторожно пробиваться на свободное место. Доброта была теплой и излучала тихий свет. Сотни глаз следили за маленьким свертком в руках Лусапек. Люди радовались за мальчика и желали ему счастья.

Тем временем гордый Двабогатыря продолжал выполнять свои почетные обязанности. После Поэта добро получили Мастер, Садовник, Жадиноговядина, Царь, Царевич, Король, Королевич, Сапожник, Портной и многие другие жители Селяны.

Не пришли за добротой по понятной причине местные

охотники во главе с Имитатором и опасные преступники ввиду отсутствия таковых. Хотел подобрать доблестный селянский гарнизон, но прапорщик Скарабей предусмотрительно закрыл всех четверых в казарме на целый день.

Двадцатым доброту получил Скульптор. Пожалуй, именно ему в эти дни теплый сверток был необходим как никому другому. История эта загадочна и, несомненно, стоит того, чтобы поделиться с читателем. Но давайте немного попозже, не будем отвлекаться от радостного праздника в чудесном городе Селяна.

Почти половина жителей Селяны получила доброту, когда случилась беда. Зануда с улицы Сорняков уже протянул руки, чтобы получить свою доброту, как Двабогатыря, проведя рукой по полке, испуганно развел руками.

– Что, – не понял Зануда, – все? Я так и знал, я так и знал...

На какое-то время Двабогатыря неподвижно застыл, стараясь осмыслить случившееся, затем вскочил и стал отчаянно шарить по полкам, заглянул под стол, посмотрел в шкафу – доброты не было.

Страшная весть быстро облетела всю очередь. Люди заволновались, обступили палатку. Каждому было обидно, что именно ему не хватило доброты. Но когда жители города увидели, как горько переживает Двабогатыря, обида моментально исчезла из их сердец, уступив место жалости к этому юноше, который, непонятно почему, считал себя виновным.

– Ну кончилась. Ну и что? – стали успокаивать его люди. – Не пропадем, убогий. . .

Лусапек не сразу понял, что случилось. А когда понял, то не сразу поверил. И лишь пробравшись сквозь толпу к палатке, увидел печального Двабогатыря, растерянного Зануду, грустные лица людей. Ему стало страшно: «Как же так? Мне досталось, а им – нет? Почему? Только потому, что я пришел ночью? Потому, что я был первый?»

Все перепуталось в голове у Лусапека:

«Но так не должно быть! – эта простая мысль вызвала облегчение. – Это неправильно!» – возмутилось все внутри Лусапека. Он быстро вытащил сверток.

– Берите! Берите! У меня еще есть! – кричал Лусапек и, боясь пропустить кого-нибудь, метался в толпе, отрывал кусочки своей теплоты, раздавал их направо и налево. – Берите! – и невозможно было остановить этого мальчугана, искреннего в своем желании раздать людям свою доброту.

Но и сверток Лусапека скоро закончился. Последний он отдал Двабогатырю. Селяне до слез были растроганы поступком мальчика. Те, кому досталось хоть немного доброты, делились с остальными. Выходило по чуть-чуть.

– Все лучше, чем ничего, – улыбались люди и хотели уже расходиться, как вдруг все увидели летящего человека.

Человек этот летел так быстро, что сначала подумали, что это кто-то из Белого города. Но когда он приблизился, все узнали Жадинуговядину. В руках у него была доброта.

– Я... я... – задыхался от быстрого полета Жадиногова–дина, – все знаю. Вот. Берите. Я еще не трогал.

Он протянул сверток Двабогатырю и быстро пошел обратно, теряя ненужные теперь уже буквы в своем имени и превращаясь в бескорыстного товарища Адинаго.

А к площади уже стекались те, кто успели получить доброту. Они смущенно доставали ее, поровну делили и раздавали. Все были счастливы. Люди улыбались, смеялись. Взявшись за руки, они до полуночи бродили по улицам своего славного города и пели песни.

К Поэту в эту ночь вернулось вдохновение с чемоданом, полным крепких и свежих рифм. А ко мне, как и обещала, пришла бабушка, присела на краешек кровати и продолжила рассказ о Бескрылом.

Клюквы крови

Никто не знал, кому какие слова говорил Одинокий, любопытство благоразумно не совало свой нос в эти тайны.

Шли годы. Неборека, как и положено, постепенно размышляла всё существующее внутри и снаружи. В лесах появились тропы, землянки, незаживающие ожоги потухших костров на полянах. Изысканные лилии в зеркальных озёрных отражениях впервые испытали грубые и двусмысленные шлепки мозолистых вёсел. Люди стали чаще ходить и реже смотреть вверх. Вскоре появились и те, кто забывали вовремя залететь к Одинокому и... ничего, вроде всё нормально... живы-здоровы. Да и потом, откуда он знает, был я у него или не был? Он один, а нас вон сколько, что он, помнит всех что ли? Да и некогда...

Всё реже и реже в Башне на холме зажигался свет. Старички неодобрительно качали седыми головами, предчувствуя неизбежное приближение чего-то ужасного и необъяснимого.

Однажды над городом появился незнакомец. Длинный белый плащ, похожий на третье крыло, свидетельствовал о том, что это – важный гость из Белого города. Облетев несколько раз вокруг городка, незнакомец устремился к Башне Одинокого. Там он провёл два дня. О чём они говорили, вряд ли кто-нибудь узнает, это было понятно каждому,

тем не менее немногочисленная кучка селян быстро разрас-талась, и вскоре на центральной площади толпились сотни встревоженных горожан.

В середине третьего дня с холма стали доноситься приглу-шённые грохоты и крики. Громче. Ещё громче. Потом что-то засверкало и вспыхнуло. Потом всё стихло.

Через какое-то время из зарослей с трудом выбрался зна-комый нам уже незнакомец, тот самый, который два дня на-зад гордо парил на Селяной. Тяжело дыша, он медленно про-шёл в центр площади и, обернувшись, посмотрел на Баш-ню. Народ ахнул: там, где должны быть крылья, видны были только окровавленные лохмотья белого плаща. Крылья сре-зали! Незнакомец продолжил движение, толпа в испуге рас-ступилась перед ним. Прилетевшая с болот детвора с полны-ми корзинами ягод рассыпалась от ужаса вместе с ягодами. Перед тем как свернуть на дорогу, ведущую прочь из города, незнакомец долго смотрел на людей, переводя свой взгляд с одного на другого. И никто не мог выдержать, селяне от-водили глаза. Многие настаивали потом, что видели слёзы в его глазах. Заметив в толпе Лингу, он молча подошел к ней, наклонился и прошептал:

– Тебе не надо было летать за горы Хаконы, девочка, ты не должна была видеть то, что ты видела... Я...

Не дослушав его, Линга вырвалась из толпы. Незнакомец вдруг странно улыбнулся, было видно, что ему очень больно, и сказал:

– Одинокого нет, он больше не будет обманывать вас. Забудьте его.

Слышно было, как наверху снова громыкнуло.

– И готовьтесь! И ты, девчонка, – пытаюсь отыскать Лингу взглядом, – ты тоже готовься!

И ушёл. Осталась только красная дорожка через всю площадь – клюквы крови.

Так в нашей жизни появились Бескрылый и страшная тайна девочки Линги.

Бабушка замолчала. Во время наступившей паузы можно было десять раз облететь вокруг земного шара на шаре воздушном, или переползти пустыню Каракум по–пластунски, или переписать на белых листах бумаги «Улисса» и понять хотя бы десятую часть того, что ты переписал.

– А к чему надо было готовиться? – осторожно спросил маленький Гражданинов. – Что он имел в виду?

Летим. Ползём. Переписываем. Что произошло потом?

Всё ещё летим. Полный рот песка, но упорно ползём. Чернила переписывать закончились – дайте карандаш.

– Потом мы все умерли, – тихо сказала бабушка.

– Кто все?

– Все. Ровно через три года, в ночь отрезанных крыльев все жители Селяны умерли. Навсегда. Нет, конечно, внешне всё было по-прежнему: ходили на войну, работали, рожали детей, ели, пили, даже иногда танцевали, взявшись за руки, вокруг каменного Вохрима. Но это были уже не люди. Дву-

ногие – так стал называть нас после той ночи Удр.

– Кто такой Удр?

– Удр – это волк. Обыкновенный старый волк.

Всё. Прилетели. Переползли. Переписали. Но не поняли.

– А что это за ночь отрезанных крыльев? – не сдавался внук. – И кто такой Вохрим?

– Всё, я устала, – вздохнула бабушка, – надо отдохнуть, давай продолжим через пару страниц.

– Хорошо, – согласился я.

Вохрим и храм

Вохрим жил в последнем доме у самого болота. Он рано овдовел, детей у него не было, и никто в Селяне его не любил. Во всем он всегда искал хоть какую-нибудь выгоду для себя. Если надо было обмануть – обманывал, притвориться хорошим – умело притворялся. Друзей у него, естественно, не было, а соседям приходилось мириться и даже отвечать на приветствия противного Вохрима. Затянувшееся вдовство начало тяготить его многими неудобствами, и Вохрим стал приискивать новую хозяйку в дом. Как раз в это время в Селяне появилась никому не знакомая женщина, предположительно из Белого Города, за руку она держала маленькую девочку лет трех-четырёх – ту самую Лингу, непослушницу, улетевшую спустя несколько лет за горы Хаконы. Добрые люди, конечно же, приютили незнакомку с ребенком и, что самое главное, не задавали пока никаких вопросов. А вопросы так и напрашивались, так и норовили выскочить в поиске ответа, потому что чувствовалась какая-то тайна в отношениях женщины и девочки Линги. Заметны и очевидны была доброта и искренняя забота, с которой незнакомка относилась к девочке. Но любой хорошо поставленный материнский глаз без труда прочитывал отсутствие кровной связи между ними.

Вохрима все эти загадочности не интересовали, и через

полгода он сделал предложение незнакомке. Она согласилась и переехала с Лингой в дом на болоте. Совместная жизнь не любящих друг друга скучна уже сама по себе, а еще в доме на болоте... Увидев в окно самодовольного индюка Вохрима и покорно идущую за ним новоявленную супругу, соседки вздыхали в предчувствии неминуемой беды:

– Одну уморил, за другую принялся.

Беда случилась зимой, в лютые холода, когда рваные куски дыма из обледеневших труб свидетельствуют об упорстве селянских печей в битве с сибирским морозом. Семейство Вохрима возвращалось на санях из Белого Города и в пролеске попало в волчью засаду.

Лошадь, почуяв клыкастую угрозу, рванула сначала сани прочь с дороги, а затем, проваливаясь в глубоком снегу, с трудом тянула испуганных путников обратно, к спасительной колее. Линга, закутанная-перекутанная в шерстяные платки, даже не проснулась. Вохрим отчаянно хлестал взмыленную лошадь и следил за волками. Стая умело обкладывала захлебывающиеся в снегу сани, передние хищники уже поравнялись с лошадей и выбирали удобный момент для прыжка. Вохрим вдруг скинул с себя тяжелый полушубок и бросил его в снег. Волки бросились рвать еще теплую человеческую одежду, отодвинув на минуту страшную развязку. Как только разъяренные звери снова поравнялись с Вохримом, он крикнул жене:

– Бросай шубу, бросай все, что есть!

Выиграли еще секунды. Но бесполезно уже – лошадь вся в облаках пара стала переходить на шаг. Волки плотно окружили сани, решая, кому отдать право первой крови.

– Возьми вожжи! – заорал вдруг Вохрим. – Возьми вожжи!

И, передав обледеневшие ремни, перекатился назад, к Линге. Девочка лежала с открытыми глазами и спокойно смотрела на звездное небо.

Через час усталые сани вползли на улицу Селяны. Обледеневшая раздетая женщина застывшими пальцами сжимала вожжи и была еще жива. Она даже успела сказать, что Вохрим спас их, прыгнув в стаю голодных волков. И даже успела поцеловать Лингу, прошептав про какие-то корабли.

Селяне были потрясены случившимся. Особенно их поразило поступок Вохрима. То, что среди них жил настоящий человек, герой, которого они не сумели разгадать, оценить, вызвало чувство глубокой, непроходимой вины, с которой теперь предстояло идти всю оставшуюся жизнь. По единогласному решению всех селян решено было поставить памятник Вохриму на центральной площади Селяны. Поручили это скульптору, а у него что-то все не получалось и не получалось, вот он и пришел тогда за свертком доброты. И сразу же получилось: каменный Вохрим в окружении злобных каменных волков стал первым памятником в Селяне. Скульптурная композиция быстро стала символом города и местом разнообразных человеческих ритуалов. Вохриму клялись в

верности, у Вохрима учились мужеству и самопожертвованию, орденом Вохрима даже иногда награждали посмертно. А маленькую девочку Лингу отдали на попечение местной Колдунье Средних Лет.

Удр

Удру исполнилось 2 года, когда он почувствовал и осознал чудесный дар понимать речь окружающих его жителей Земли: зверей и людей, птиц, скользящих по высокому небу, деревьев, спорящих с Лоренцо, траву и её многочисленных обитателей. Такой дар был дан представителю каждого существующего на планете семейства. Именно на них была возложена миссия говорить и слышать друг друга. И не имело никакого значения – цветок ли ты однодневный или столетний дуб, классно получившаяся зебра или из вредности сляпанная гиена, печальная пчела или задумчивый кот...

На давнем этапе в безначальный круговорот Небореки включился человек, и поначалу ничто не предвещало беды. Но очень скоро двуногие возомнили себя венцом природной мудрости и присвоили себе право неоправданной жестокости ко всему остальному миру. Нет, не все, конечно. Удр долгое время дружил с чудаковатым Франциском из Ассизи, волку нравилось слушать его долгие беседы с птицами. Обладателями чудесного дара были Фудзиямец, понимающий души деревьев и рыб; Заокеанец, имевший способность полностью растворяться в листьях травы; Лекарь, которому было стыдно перед собакой.

Недавно один из этой светлой компании оказался в Селяне.

– Забери меня, Неборека, посади на свои корабли, – грустно напевал мальчишка на площади.

Прохожие не понимали, о чем это хрипит и булькает оборванец, и равнодушно проходили мимо. Удр сразу понял, кто перед ним и, дождавшись темноты и пустоты, подошел к мальчишке:

– Пойдем со мной, я знаю, где можно переночевать.

– Спасибо тебе, друг, но у меня уже есть ночлег, в этом городе много добрых людей.

– Как тебя зовут? – спросил волк.

– Здесь, – улыбнулся Двабогатыря, – меня зовут Двабогатыря.

Так родилась маленькая еще волчье-богатырская дружба.

Их было много, умеющих разговаривать и слышать. Именно благодаря им Неборека всё ещё не спешит с очередным приговором.

Но других было больше. Гораздо больше. Именно от этих других Удр узнал, что он, оказывается, кровожаден и опасен. Двунogie стали пугать волком своих детей. Волков стали истреблять. Истреблять стали всех и всё вокруг. Всю землю засеяли свинцовыми зернами. «Рубите всех». Двуногий быстро сумел убедить себя в собственной исключительности, в способности решать любые проблемы. Мозг! Интеллект! Звучу гордо! Какой там убитый кит? Какие вырубленные леса? Вы о чём? Раздавленный хор муравьёв? Мёртвые куропатки в решётках радиаторов супер-машин? Не смеши-

те! Не паникуйте!

В последние годы Удр отчаянно искал среди двуногих, умеющих слышать. Удр просто хотел успеть рассказать, как искренни угрозы тысяч звериных детёнышей, поклявшихся отомстить за страшную смерть своих родителей. «Вы рубите сосны, – хотел спросить старый волк, – потом сжигаете их в печах, чтобы вам было тепло. Почему бы вам не топить ваши дома человеческими костями? Пытаетесь расшифровать сигналы с далёких звёзд? Может, сначала надо понять предсмертные крики дельфинов, выбросившихся на берег? Где датчики боли скошенной травы? Уверенность в безнаказанности вытеснила последние остатки того, что вы гордо называете разумом. Что для вас язык цветов, история любви обыкновенного Лопуха и прекрасной Лютенции? Зачем вам тексты песен китов? «Разгляди меня в звездной пыли». Вам никогда этого не понять! Вы уже друг друга не понимаете. Умиравший муравей и его недопетая песня? Ха– ха– ха. То, что за погибшего муравья вступится сама Неборека и, рано или поздно, засыплет ваши города пеплом вулканов, и сама земля разрушит ваши храмы последней двенадцатибалльной встряской. Застыв от ужаса, двуногий, ты позавидуешь мёртвым. Но это не будет концом всего, высокомерный болван! Лоренцо бессмертен! Развалины твоих городов прорастут зелёной травой. На свет выползут букашки-таракашки. Океан найдёт в себе силы очиститься и улыбнуться – Неборека поможет ему. Пусть тысяча лет, пусть две,

неважно, но колесо непременно прикатится снова на землю. Жизнь восстановится и продолжится, но уже без тебя, двуногий... Без тебя...».

До самого утра окрестные люди слушали тоскливый волчий вой: то ли плачет, то ли вспомнил чего, зверюга серый. Непонимающие двуногие на всякий случай доставали ножи. И только маленькая девочка всё это время пропускала боль старого волка через своё маленькое человеческое сердце.

Клаксончики

Безудержное стремление что-то изобретать постоянно бурлило в Линге, очевидно, с самого рождения, во всяком случае, за те три года нашего совместного существования, два из которых мы являемся законными супругами, не было ни дня, чтобы в прелестную головку не влетала очередная гениальная идея. Идея эта, разумеется, требовала немедленного своего практического воплощения. Похоже, тот, кто отвечает на небесах за изобретения, выбрал мою юную супругу для внедрения всех этих безобидных, но весьма полезных штук. Ну как вам, например, подставка с большим увеличительным стеклом, под которую хозяйка кладет раскрытую на нужной странице толстую кулинарную книгу и во время готовки сверяется со строгим рецептом, не позволяющем ни грамма импровизаций? Или веревочные петельки на полиэтиленовых крышках – отдельное спасибо от модниц маникюра. Бутылка с ручкой, многочисленные приспособления для украшения стола по разному поводу, колесо в виде шара и многое, многое другое. Признаться, поначалу всё это у меня вызывало улыбку, которая по закону жанра семейной жизни должна была рано или поздно смениться раздражением, но очаровательная моя половинка не только исправно трансформировала присланные ей идеи в жизнь, но сумела с помощью патентного законодательства обеспечить суще-

ственный финансовый ручеек, подпитывающий наш весьма скромный семейный бюджет. Более глобальные вещи, как, например, вечный двигатель или путешествие во времени, тоже занимали её, но исключительно с точки зрения практического применения. Вопрос, что бы такое можно будет подвигать с помощью вечного двигателя, волновал ее воображение гораздо больше, чем непосредственное создание этого двигателя. Что же касается машины времени, то мне было только непонятно, где она хранит свой красный с белыми колесами велосипед, на котором регулярно путешествует в прошлое и будущее. Я абсолютно уверен, что изобретатель колеса – ее дальний родственник. И только отсутствие нужных связей лишает меня возможности триумфально доказать, что ДНК Линги и ДНК Леонардо да Винчи совпадают. Одним словом, волшебный дар изобретательства Лингульки поднимает моё собственное тщеславие ещё на одну ступеньку вверх. Иногда, вспомнив вдруг, что в этой ее бурлящей от изобретения жизни есть ещё и я, она усаживала меня на диван, сама устраивалась напротив и говорила:

– Давай, рассказывай, что там у тебя новенького?

В ее широко раскрытых глазах поначалу ещё мелькало что-то отдалённо напоминающее заинтересованность в новостях моей жизни, но очень скоро всё это исчезало, и появлялось бешено прыгающим зайцем ее очередное изобретение.

Впрочем, иногда, немного уставшая, она приходит в

спальню и сворачивается калачиком, как тогда, когда это произошло у нас впервые. Тогда после не долгого молчания она произнесла:

– М-м-м-м, мне понравилось, мне так раньше никто не делал, – потом нежно поцеловала меня и осталась навсегда.

Вот и сейчас этот маленький красивый и беззащитный голенький калачик позволяет и мне немножко поисследовать и поизобретать... Потом, счастливо уставшие, мы долго лежим молча рядом, но я уже чувствую, как с потолка волнообразно, подобно осеннему листу, к ней спускается знакомый уже заяц.

– Любимый, а помнишь, на первых машинах были такие рожки с грушами, клаксончики, чтоб на тебя обратили внимание? – закончить она не успевает: свистящий от боли кипяток в алюминиевом чайнике настоятельно требует ее пройти на кухню.

Пока она заваривает по собственному рецепту кофе, я смотрю на красивые и умные вещи вокруг меня. Тепло и уютно здесь. Я думаю, что я – тоже ее изобретение, правда, не самое лучшее. Самое лучшее ее изобретение я получил спустя год – это наша маленькая дочка. Чудо. Ангелочек, кстати, уже весьма неплохой изобретатель. Она производит маленькие клаксончики.

Чугунья

Никто не знал, как и откуда появилась эта корова в окрестностях Селян. С гордым и независимым видом вошла она в город и, сопровождаемая ватагой мальчишек и удивлёнными взглядами взрослых, вступила на главную площадь Селяны. В самом центре площади, рядом с Вохримом и каменными волками, она остановилась, победно осмотрелась вокруг и величественно застыла.

Кто-то пустил слух, что корова принесет городу счастье. Слух этот сначала накапливался по окраинам, затем выплеснулся на улицы и к вечеру уже бурлил по всему городу:

– Эта корова принесёт нам счастье! – кричали селяне. – Наконец-то мы будем счастливы.

Всё население города собралось на площади поглазеть на необыкновенную корову. Кто первый назвал её Чугуньей, тоже неизвестно, однако уже к вечеру повсюду слышалось:

– Да здравствует Чугунья! Да здравствует Чугунья!

Так в Селяне появились Надежда на Счастье и Вера в Чугунью.

На следующий день люди стали готовиться к счастью. Они основательно вычистили улицы своего города, навели порядок в домах, приоделись. Поэт начал поиск новых рифм, но почему-то всегда выскакивала «врунья». Зануда практически не ворчал, а Жадинаговядина на всякий случай построил

во дворе еще один огромный сарай. Подготовка к счастью насколько увлекла их, что недавние враги становились друзьями, забывались обиды, люди стали добрее друг к другу.

Прошёл месяц, но обещанного счастья всё ещё не было. А Чугунья тем временем исправно пожирала всё, что ей приносили. Скоро люди заметили, что животное заметно увеличилось в своих размерах. Чугунье стало тесно в прежнем сарае, и её перевели в другой, более просторный. С каждым днём Чугунья требовала всё больше и больше пищи.

«Вероятно, ей надо больше есть, чтобы принести нам счастье», – думали люди и, оставив на время свои дела, отправлялись на заготовку припасов для Чугуньи.

В один из дней случилось странное и необъяснимое.

Когда корова привычно двинулась к площадке с многочисленными корытами полными еды, путь ей преградил Двабогатыря. Чугунья, едва не наступив на мальчишку, остановилась и посмотрела вниз: кто это там путается под ногами? Взгляды их встретились и какое– то время читали друг друга. Затем коровьи глаза стали наливаться кровью, испепеляющая ненависть брызнула из них веером. Стоящие рядом с мальчиком селяне опрокинулись с криком и болью. Но Двабогатыря спокойно стоял и продолжал смотреть на Чугунью, потом он перевернул все корыта и заговорил на своём непонятном языке.

Заметно было, что Чугунья испугалась, она стала пятиться, жалобно мычать, как будто прося помощи. И помощь

пришла. Пришедшие в себя селяне, очнувшись от того, что кто-то, пусть даже вчера родной, посмел поднять руку на самое святое и сокровенное, набросились на мальчишку и стали избивать его.

– Вот сволочь, – сбили его с ног здоровенные мужики.

– Гаденьша пригрели, – пинали ногами скрученное тело женщины.

Слишком быстро истек срок годности выданной недавно доброты.

– Не смейте трогать его! – кричала Линга, пытаясь пробиться сквозь толпу. – Не смейте его трогать!

Наверное, она и спасла Двабогатыря от смерти, накрыв его своим телом и приняв часть ударов на себя. Потом их обоих бесчувственных бросили в телегу и вывезли прочь из города. Часа через три заброшенную телегу отыскал Удр. Линга уже очнулась и безуспешно пыталась вернуть к жизни Двабогатыря. Увидев волка, девочка сначала испугалась, но вскоре, судя по действиям зверя, поняла, что не надо его бояться. И действительно, тщательно вылизанный волком юноша скоро открыл глаза и увидел звезды.

– Красиво, – тихо прошептал Двабогатыря, – какие они красивые.

– Ты научился говорить? – изумилась Линга.

– Нет, это ты научилась слышать, – сказал Удр.

Зря он это сказал: Линга снова лишилась сознания, теперь уже от удивления.

– Ну, ее я лизать не буду, – заворчал волк, – ты давай уж сам.

Вскоре все трое дружно сидели в телеге и рассказывали, рассказывали, рассказывали, а звёзды слушали, слушали, слушали...

– Там, за горами Хаконы, – продолжала свою историю Линга, – я увидела красивых мужчин. Они о чём-то спорили, я не слышала о чём, но слова «боги» и «дьяволы» долетали до меня чаще других. Еще они упоминали какой-то корабль, корабли. Да, точно, два корабля. Затем они построились, пожали руки друг другу, потом вдруг камень сорвался из-под ноги, и те двое, которые стояли ближе всех, заметили меня, и один из них подбежал и пытался схватить, но я сумела улететь.

Линга замолчала. Было видно, как невидимый страх заполняет ее сильней и сильней. Темнело так стремительно, что были видны не успевшие спрятаться зги, испуганными зигзагами исчезающие в лесной мгле.

– Не бойся, – сказал Двабогатыря, – во-первых, нас уже трое, во-вторых, всё это были люди из прошлого, очень далекого прошлого, и в-третьих...

– Нет, – всхлипнула Линга, – нет. Тот, который пытался схватить меня там, за горами Хаконы, он уже здесь. Это Бескрылый...

Теперь страшно стало уже всем, даже телеге. И чем бы это всё закончилось, неизвестно, но в темноте раздалось спокой-

ное и уверенное:

– А в-третьих, нас уже четверо.

Двабогатыря и Удр замерли. «Что же за ночь сегодня такая наваристая?» – подумал волк и недовольно произнес в ответ:

– Вообще-то, с учетом его имени, – он кивнул на Двабогатыря, – нас уже пятеро...

Линга улыбалась – она сразу узнала голос Одинокого.

И все четверо дружно сидели в телеге и рассказывали, рассказывали, рассказывали. А звёзды слушали, слушали, слушали...

Когда Линга заснула, Одинокий бережно прикрыл ее своим плащом и обратился к Двабогатыря:

– В город пока не возвращайся. И на вот, возьми, оденься, – протянул он юноше белый свёрток.

Какое-то время помолчали. Двабогатыря долго смотрел на спящую Лингу и спросил:

– Ты не позволишь Бескрылому убить ее?

– Я не позволю. Но Бескрылый ищет того, кто действительно сумеет сделать это.

– Ты знаешь, кто это может быть?

– Да, знаю. Это тот, кого она по-настоящему полюбит. Если это случится, – посмотрел на звезды Одинокий, – я уже ничем не смогу помочь.

– Но ты же Бог, – то ли спросил, то ли упрекнул его Двабогатыря.

– Да, – вздохнул Одинокый. – Я всего лишь Бог...

Селяне потом удивлялись, что эта ночь длилась дольше обычного.

Ночь отрезанных крыльев

Прошло три года. Никто из жителей Селяны, как и заклинал Бескрылый, не вспомнил об Одиноком и даже ни разу не посмотрел на его Башню. Давно исчезли цветы на улицах Селяны, зачахли сады – некому было следить за всем этим. С утра и до вечера все жители Селяны от мала до велика добывали пищу для Страшной Чугуны. Да, да, из добродушной коровы она превратилась в ужасное чудовище. Огромной горой возвышалось это чудовище над Селяной. Башня. Во всей округе невозможно было укрыться от свирепого взгляда Чугуны. Люди постоянно ощущали на себе этот взгляд – и днём и ночью.

«Вероятно, ей надо есть больше, чтобы принести нам счастье», – думали люди в коротких перерывах от работы. Тяжёлой работы. Жители Селяны давно забыли, что такое песни, танцы, что такое смех. Днём и ночью они кормили Чугунью.

«Возможно, уже завтра мы будем счастливы», – надеялись люди. Но каждое утро начиналось со зловещего рёва чудовища. Чугунья стала такой огромной, что во время своих регулярных прогулок она просто не могла видеть, что творится внизу и наступала на дома, на деревья, на людей. Удивительно, но каменные волки на площади не пострадали, правда, наблюдательные прохожие стали замечать, что фигура Вохрима переместилась во главу стаи.

Рушились дома, разлетались в щепки деревья, гибли жители Селяны.

«Так надо, – считали люди, – ведь за счастье надо платить. Жалко, конечно, но ведь это не напрасные жертвы». И несли свой последний хлеб Чугунье.

Большинство продолжало верить в Чугунью, в то, что она принесёт счастье.

– Путь к счастью лежит через лишения, – кричали они. – Да здравствует Чугунья!

Голодны, раздетые, какая-то вязкая двигающаяся серая масса.

– Да здравствует Чугунья!

А мерзкое животное продолжало беспощадно грабить и убивать своих многочисленных слуг. Ей постоянно хотелось ЕСТЬ...

И вот однажды...

– Чугунье нужны наши крылья! – крик рванулся, ударился в небо, рассыпался острыми осколками по всему городу.

– Ей нужны наши крылья!!! – подхватили ужасный крик сначала сотни, а спустя минуту – тысячи голодных глоток. – Крылья! Крылья! Крылья!

Под зловещее крещендо деловито доставались ножи, мечи, топоры – и вот брызнула первая кровь, дикая боль сорвалась с цепи и заметалась по узким улочкам Селяны. В дьявольском восторге люди подставляли свои крылья под удары отточенной стали и одновременно сами рубили крылья дру-

гих. Окровавленные безумцы врывались в спящие дома, резали крылья детям и старикам. Рубите всех! Повозки быстро заполнялись отрубленными крыльями и направлялись к улыбающейся Чугунье. Кровь, собравшись с силами в верхних кварталах, выплеснулась красной волной на центральную площадь Селяны, и огромный шар полной луны в ночном небе стал огненно– красным. Ближе к утру обессиленные, обескровленные люди молча расселись вокруг задремавшей Чугуньи и стали ждать. Съедено было всё, только маленькие горки детских переломанных крыльев остались на завтрак. Вскоре заснули все.

А утром никакой Чугуньи на площади уже не было. На её месте стоял Бескрылый и с брезгливой торжественностью осматривал последствия страшной ночи – Ночи Отрубленных Крыльев. Люди прятали взгляды в грязно-кровавых лужах, и тягучее понимание, что произошло что-то непреодолимо страшное и никогда уже не поправимое, медленно вползало в проснувшиеся души.

Бескрылый долго наслаждался картинкой своего безоговорочного триумфа, потом поднял голову, посмотрел на Башню Одинокого и сказал:

– Ты проиграл...

Старый Удр не стал ждать, что произойдёт дальше, – и так всё понятно. Хорошо, что он хоть успел увести своих волчат, чтоб не видели этого ужаса. Волк медленно побрёл вглубь леса – полно дел, но главное – надо всем сообщить: на земле

появились двуногие.

Атака вражеских самолетов

Поздней осенью ранним утром за Гражданиновым пришёл долг.

– Вы кто? – открыв дверь, спросил Гражданинов.

– Я долг.

– Какой долг?

– Священный. Я твой священный долг. Ты должен меня отдать. Собирайся.

– Простите, – покачал головой Гражданинов, – но я не брал тебя. Как же я должен тебя отдать, если я не брал?

– Слушай, – устало начал долг, – может быть, ты меня и не брал, скорей всего, так и было, но отдать меня всё равно придётся! Не бойся, это всего на пару лет.

– Я не боюсь, – испугался Гражданинов, услышав «пару-лет», он вышел на лестничную площадку и осторожно приоткрыл входную дверь. – Я просто не припомню, что я кому-то должен, и потом, я просто не понимаю...

– Не понимаешь, сука! – резкий профессиональный хук слева швырнул Гражданинова на пол, рот наполнился большой смесью крови и выбитых зубов, следующий удар, уже ногой, скрючил мычащего юношу, и началось обычное в таких случаях выбивание понимания.

Священный долг при этом трансформировался в мощного прапорщика Скарабея, который, закончив избиение, буд-

нично спросил Гражданинова:

– Теперь понимаешь?

– Теперь понимаю, – прохрипел Гражданинов.

– Вот и хорошо. Завтра в 7 утра на площади. Не вздумай опаздывать.

Когда шаги поганого прапорщика затихли, и хлопнула подъездная дверь, Гражданинов с трудом вполз в коридор и заплакал от боли и понимания полного и безысходного бессилия перед священным долгом.

Возникшая вдруг Линга осторожно присела рядом, аккуратно впитала гражданиновскую кровь своей ночной рубашкой, бережно положила колени под разбитую голову и стала воздушно гладить и целовать любимое лицо.

– Не бойся, сейчас я пожалею тебя – и всё пройдёт. И не будет тебе больно. У собаки болит, у кошки болит, у мышки болит, – голос Линги обволакивал боль Гражданинова и выводил её прочь, – а у моего мальчика не болит. Теплота слов и нежность любимых рук живой водой возвращали Гражданинова к жизни.

– Он хочет забрать меня от тебя. На два года.

– Я знаю, любимый.

– Я не смогу без тебя, без вас. Это невозможно. Ты же знаешь. Я без тебя не могу...

Линга продолжала гладить его, глаза её постепенно наполнились предвестием необыкновенной радости и светлости.

– Ты сможешь, любимый мой, – шептала она, – ты смо-

жешь, ты сильный, ты даже не представляешь сам, какой ты у меня сильный. Я люблю тебя. Два года – это ерунда, ты сможешь... А мы будем тебя ждать... Все трое.

– Трое? – вздрогнул Гражданинов. – Ты сказала «трое»?

– Да, – выдохнула Линга, – теперь уже трое.

Потолок, стены, полы, чего там ещё – всё куда-то исчезло.

Осталось только синее небо и летящие по нему

Линга и Гражданинов. Взявшись за руки, подсмотренные Шагалом, влюбленные летали весь день и всю ночь. И ровно в 7 утра приземлились на площади.

– Молодец, – сказал прапорщик Скарабей, – не опоздал, – и зачем-то быстро наголо побрил гражданиновскую голову.

Сотни мальчиков, пришедших в это утро на площадь Вохрама, таких разных, но непременно влюблённых, под звуки неизлечимого марша превращались в одинаковых лысых должников священного долга, отправлялись в далёкие края, чтобы уже никогда не вернуться прежними или навсегда остаться в этих дальних краях.

Гражданинову в армии дали ракету класса «земля – воздух» и поставили на сторожевую вышку. Здесь, на самом верху, голоса затихали, и можно было приступить к своим прямым уставным обязанностям. Собственно говоря, обязанность была одна: охранять вышку и территорию от многочисленных врагов, коварно выжидающих поблизости удобный момент для нападения. В бинокль юноша хорошо видел восточные карусели монгольской конницы. Вросшие в сёдла

пыльные всадники хищно пожирали узкими взглядами деревянную вышку и силуэт Гражданинова на вечернем экране неба. На юге – и это тоже было заметно – янычарилось, ятаганилось коварство турецкое. На севере, в ароматных кустах можжевельника, затаился Альфредо Кюнинге с вооружёнными ватагами выносливых викингов. Ну а с запада, конечно же, – крестатые тигры с заглушёнными пока моторами. И всему вражьему воинству вышка – кость в горле, потому как почувствует стоящий на ней умысел злобный или движения непонятные, то сразу сигнал даст. А Сигналдаст – это очень опасная штука. Красная ракета в ночном небе может означать всё что угодно. Но, как показывает всемирная история поражений, для тех, кто сидит в кустах и хочет напасть, это не означает ничего хорошего, даже если это кусты ароматного можжевельника.

– Смотри туда, – махнул рукой в небо прапорщик Скарабей, – если увидишь врага – запускай ракету, понял?

Гражданинов хотел спросить, а как он узнает: враг это или не враг? – но вовремя спохватился и сказал:

– Понял.

– Только перед пуском обязательно крикни: «Стойстрелятьбуду», – а потом уже руби всех! Понял?

– Понял, – ответил опытный уже Гражданинов.

Когда прапорщик ушёл, Гражданинов попытался найти в небе вражеские самолёты, но сверху во всё небо на него смотрела Линга, и по её губам он прочитал:

– Ты сильный. Я жду тебя. Я тебя люблю.

Гражданинов бросил дурацкую ракету в угол, достал спрятанные листы бумаги, карандаш и стал писать пись-

мо.

Письмо

Любимая моя!

...когда мы не вместе, когда я не могу ласково гладить твои волосы, целовать твои руки, губы, растворяться в твоих бесконечно красивых глазах – будут с тобой слова мои нежные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.